

Глава 5. Срубить бабла!

Раны у обоих оказались поверхностными, но из-за обилия ссадин и наливающих синевой кровоподтёков вид они имели довольно жуткий. На открытых участках кожи живого места не осталось.

Кулак Е Мяня пришёлся Чэн Ляну точно в глаз, так что теперь там красовался знатный отёк; щёку и угол рта тоже прилично разнесло, лопнувшая кожа сочилась кровью.

Парни устроились на улице возле аптеки, за синим пластиковым столом. Вокруг на таких же синих скамьях сидели другие компании: местные работяги грызли семечки и лениво переговаривались. Многие из них частенько заглядывали сюда за мазями от производственных травм или просто чтобы перевести дух, так что на помятый вид подростков никто не обратил внимания. В этих краях разбитые лица были делом обыденным.

— А у тебя когти острые. И вообще, по лицу не бьют, в курсе? — Чэн Лян ткнул пальцем в сторону своей щеки.

Большинство мелких порезов на его лице действительно оставил Е Мянью своими ногтями. Настоящие мужики бьются на кулаках, а этот сопляк когтями машет, как девчонка.

Впрочем, слово «царапать» тут мало подходило. Е Мянью сжимал пальцы в кулаки, а шею соперника ободрал случайно, когда пытался его завалить. Да и вообще, кто виноват, что он неделю ногти не стриг? И не хватал он его за горло, а душил.

Да и вообще, этот суицидник сам напросился. Ладно бы просто подраться решили, так ведь они его фруктовую лавку перевернули, да ещё и обнаглели настолько, что его же товаром швыряться начали! То, что Е Мянью не отделал этого придурка до полусмерти прямо на месте, можно считать верхом его великодушия.

Е Мянью хмуро оглядел художества на лице несостоявшегося самоубийцы:

— Слышь, по лицу он не бьёт. Мою рожу тогда кто разукрасил, собака покусала?

Лицо самого Е Мяня тоже пострадало: разбитые губы, ссадины на щеках и лбу напоминали о тяжёлой руке Чэн Ляна. Спасло лишь то, что глаза уцелели, поэтому выглядел он чуть приличнее оппонента.

Чэн Лян ухмыльнулся какой-то своей мысли и швырнул пакет с медикаментами на половину стола Е Мяня.

— Слышь, обработай мне раны, а? — Он указал на собственную шею, где багровело кольцо от удушения, уже начавшее переходить в уродливую синеву.

Парень включил фронтальную камеру на телефоне, чтобы оценить масштаб бедствия. С такими следами возвращаться домой было чревато — сразу поймут, что ввязался в драку. Кое-кто из домашних знал, что он умотал из города в этот глухой уезд, так что лишние расспросы ему были ни к чему.

— Хрен тебе на воротник! — огрызнулся Е Мянью и швырнул пакет обратно. Силы в этот бросок он вложил не меньше, чем в недавние удары.

Чэн Лян ловко поймал пакет в воздухе и шутливо помахал им.

— У тебя с башкой совсем беда? — процедил Е Мянью. — Скажи спасибо, что вообще лекарства тебе купил, а мазать тебя сам будешь. Или давай, падай на колени. Вот прямо сюда, на ступеньку, и зови меня дедушкой. Тогда я, так и быть, снизову до своего непутёвого внука.

Он небрежно указал носком кроссовка на бетонную ступеньку прямо перед собой.

Услышав подобное, любой нормальный парень тут же взвился бы, схватил обидчика за грудки и завязал новую драку, уж точно не остался бы сидеть смирно. Лицо Чэн Ляна заметно потемнело, взгляд стал ледяным.

— А ты борзый, мелкий, — сквозь зубы бросил он. — Скажи спасибо, что ты меня из воды вытащил. Не будь этого, ты бы сейчас не у аптеки сидел.

«А лежал бы на каталке в реанимации»

Судя по тому, как они махались пять минут назад, Чэн Лян слов на ветер не бросал.

Сун Шу сидел ни жив ни мёртв, боясь даже вздохнуть. Два авторитета сошлись не на жизнь, а на смерть, цепляясь к каждому слову и не желая уступать ни на йоту. Видя, как стремительно накаляется обстановка, Сяо Шу набрался храбрости. В этот миг он чувствовал себя невероятно крутым — шутка ли, прервать перепалку двух таких опасных типов! Но стоило ему открыть рот, как вся спесь мгновенно испарилась:

— Э-э... парни... Чэн-далао, если брезгуешь, давай я тебя помажу?

Голос его под конец жалобно дрогнул. Роль мелкой сошки обязывала его улаживать такие деликатные вопросы, чтобы не огрести от обоих.

Е Мянью едва сдержал желание дать Сун Шу хорошего пинка. Ну что за подлиза? С какого перепугу он лезет угождать незнакомому кадру? Его вообще никто не спрашивал.

— Не надо, — отрезал Чэн Лян.

«Вот именно, умойся»

Было очевидно, что Чэн Лян его заботу не оценил, да ещё и нацелился использовать самого Е Мянью как прислугу. Тоже мне, барин выискался. Чтобы Е Мянью снизошёл до заботы о нём — да ни в жизнь, хоть в этой, хоть в следующей! У этого придурка руки-ноги целы, глаза на месте — пускай сам ковыряется. Сам Е Мянью к своим ссадинам даже не притронулся.

Они купили медикаменты друг другу. Е Мянью особо не заморачивался: взял пару тюбиков заживляющей мази, что-то от ушибов и пачку пластырей. Чэн Лян же подошёл к делу основательно. В его пакете, помимо мазей, обнаружились йод, ватные палочки, пинцет и стерильные бинты. Разница в цене была очевидной, хотя ни одна из их царапин в серьёзной перевязке не нуждалась.

Снова повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Секунды капали, как холодная вода на темя. Сун Шу нутром чуял, что пахло грозой. Желая разрядить обстановку до того, как его названный брат и городской гость вцепятся друг другу в глотки, он резко поднялся, хлопнул ладонью по столу и выпалил:

— Я это... в магаз сбегаю, куплю чего-нибудь перекусить! Вы тут поостыньте пока, только не ругайтесь!

Последние слова он договаривал уже на ходу, пятясь спиной к дороге, а затем и вовсе развернулся и припустил трусцой на ту сторону улицы. Сбежал технично и без лишних проволок.

Вернулся Сун Шу с двумя набитыми пакетами из супермаркета. В одном громоздились горы снеков: шоколад, сушёная рыба, чипсы, кислые сливы и даже парочка упаковок острых куриных лапок. Второй пакет доверху заполняли напитки: минералка, соки, газировка всех цветов и питьевой йогурт.

Е Мянью лишь беззвучно вздохнул.

Сяо Шу с гордым видом водрузил припасы на стол:

— Считаю, все тёрки надо пока поставить на паузу. Давайте пожрём, а дела можно и за едой перетереть. Питья тут на любой вкус, только без алкоголя. Синька — чмо.

Е Мянью окончательно надоело играть в гляделки. Он выдернул кабель зарядки из телефона, быстро настучал что-то на экране и развернул мобильник дисплеем к Чэн Ляну.

— Глянью.

Было видно, что колючий, ошкетинившийся парень из последних сил сдерживает раздражение,

стараясь говорить ровно. На экране светилось приложение калькулятора — Чэн Лян сразу понял, к чему клонится разговор.

Чэн Лян лениво скользнул взглядом по экрану, но его внимание привлекли не столько цифры, сколько пальцы парня — тонкие, изящные, но сплошь покрытые отметинами. На бледной коже виднелись многочисленные мелкие шрамы: старые, побелевшие от времени рубцы соседствовали со свежими, едва затянувшимися царапинами. Ноготь на указательном пальце левой руки и вовсе почернел, отслоившись наполовину — явный след сильного ушиба или защемления. Одно воспоминание о такой боли заставляло поморщиться.

Е Мян тем временем сосредоточенно тыкал в экран. Он складывал, умножал и прибавлял одному ему понятные статьи расходов, пока на табло не замерло итоговое число: «508». По какому тарифу он оценивал разбитые ящики и испорченные персики, оставалось загадкой.

Чэн Лян достал свой телефон:

— Ладно, пусть будет пятьсот восемь. Но налички у меня нет.

Е Мян мазнул взглядом по новенькому Айфону Икс в руках собеседника.

«Мажор хренов»

Вслух он произнёс:

— Телефон же в руках держишь. Переводи на карту.

Он открыл приложение банка и вывел на экран QR-код. Чэн Лян быстро отсканировал его и подтвердил перевод. На счёт Е Мяня упало ровно пятьсот десять юаней.

Парень залез в пакет со снеками, выудил оттуда питьевой йогурт и протянул Чэн Ляну:

— Держи. Сдача.

Тот молча забрал бутылочку и сунул в карман куртки.

Чэн Лян оглядел его поношенную школьную форму:

— Ты из Первой средней школы Биньяна?

Сегодня был понедельник, разгар занятий, а этот кадр торговал на улице персиками. Чэн Лян невольно засомневался:

— Ты эти фрукты часом не стащил где-нибудь, чтобы на компьютерный клуб заработать? Нынешние прогульщики на всё готовы ради пары часов в сети.

Е Мянъ смерил его презрительным взглядом:

— Придурок.

Чэн Лян лишь усмехнулся и слегка пихнул Е Мянью ногой под столом:

— Ладно, не кипятись. Меня Чэн Лян зовут. А тебя как величать, спаситель?

Е Мянъ брезгливо убрал ногу и промолчал. Сун Шу тем временем уже поднялся, чтобы катить тележку, и завязал пакеты со снеками узлом. Раз финансовый вопрос был закрыт, ловить здесь больше было нечего.

Чэн Лян лениво потянулся:

— Мы, считай, и подраться успели, и из воды ты меня вытащил — связь на всю жизнь. Если ещё пересечёмся, негоже мне орать тебе «слышь, ты!» на всю улицу.

Е Мянъ закинул рюкзак на плечо, даже не взглянув на парня. Его имя интересовало его меньше всего на свете.

— Расслабься. Это наша первая и последняя встреча, — бросил он, радуясь, что хотя бы долг вытрясти удалось.

— Эй! Ты сейчас за новой партией фруктов? Возьми меня с собой, побуду бесплатной рабсилой,
— Чэн Лян поднялся, крутя на указательном пальце ручки аптечного пакета.

Этот городской хлыщ увязался следом. С чего бы незнакомому парню таскаться за ним? Наверняка что-то задумал. Е Мянъ прибавил шагу, увеличивая дистанцию, достал из кармана сигарету и нервно прикурил. На перекрёстке впереди уже махал рукой Сун Шу, стоя у тележки. Е Мянъ остановился, развернулся и в упор посмотрел на Чэн Ляна:

— Слушай сюда, Чэн Лян. Решил ты выпилиться или тебя кто-то утопить пытался — мне глубоко насрать. Я тебя вытащил, долг за фрукты замяли. Мстить ты мне вроде не собираешься, а благодарить тебя никто не просит — по твоей роже сразу видно, что благородством тут и не пахнет. Я трепаться не полезу, для меня этой встречи вообще не было. Усёк?

Ему казалось, что он разжевал всё предельно доходчиво.

Услышав это, Чэн Лян действительно замер на месте.

— Ладно, — коротко согласился он.

И остался стоять, провожая взглядом удаляющуюся спину взъерошенного, колючего подростка. В глазах городского гостя мелькнул странный огонёк.

На следующий день Е Мянъ прилежно явился в школу. Прогуливать не стал — весь день просидел в классе, то засыпая под монотонный бубнёж учителей, то просто глядя в пустоту. Время от времени он лениво брал карандаш и чертил какие-то наброски на полях учебника.

Во время обеденного перерыва к его парте подошёл Чжан Фань. Потирая руки в предвкушении, он спросил:

— Брат Мянъ, в баскет погоняем?

Е Мянъ отодвинул стул ногой и поднялся:

— Пошли.

Попутно он небрежно смахнул в ящик парты учебник по математике, служивший ему подушкой, и укатившуюся ручку.

Их «камчатка» давно числилась у учителей в расстрельном списке — на обитателей задних парт махнули рукой. Мало-мальски пофигистичные преподаватели вообще не обращали внимания на то, что Е Мянъ дрыхнет половину уроков. Лишь классный руководитель упорно боролся с сонями: то по кафедре со всей дури хлопнет, то включит на полную портативный репродуктор, пытаясь растолкать спящих и не дать задремать остальным. Поначалу это хоть как-то работало, но со временем у всех выработался стойкий иммунитет к школьной звуковой терапии. В старших классах каждый сам за себя решает, учиться ему или нет.

Перед выходом на площадку Е Мянъ заглянул в туалет ополоснуть лицо прохладной водой, чтобы окончательно стряхнуть остатки сна. На дворе стоял май, жара зашкаливала. Стоило выйти под палящие лучи солнца, как люди превращались в сонных зомби: плелись вяло, щурясь от слепящего света, растеряв последние крупницы бодрости. Сбросив форменную олимпийку, Е Мянъ остался в жёлтой футболке. Вода, которой он щедро облил лицо и взъерошенную челку, испарилась без следа буквально за пару минут.

В Первой средней школе Биньяна во время обеденного перерыва ученики обычно оставались в классах. Но Е Мянъ, продрыхнув всю первую половину дня, сейчас буквально фонтанировал энергией. Вместе с Чжан Фанем и ребятами из школьной сборной по баскетболу — все они

были его давними корешами — он отправился на спортивную площадку.

Они без устали носились по раскалённому асфальту все два часа перерыва. Под конец игры Чжан Фань едва дышал: согнувшись пополам и уперевшись ладонями в колени, он шумно хватал ртом воздух. Пот лил с него градом, тело гудело от усталости. Если бы не остатки гордости, он бы прямо там развалился звёздочкой на грязном покрытии. Тем временем раздался звонок к началу уроков, и из дверей учебного корпуса потянулись первые группки школьников.

Е Мянью на их фоне выглядел на удивление бодрым: лишь дыхание слегка участилось, да на бледном лбу выступила лёгкая испарина. словно и не бегал на износ под палящим солнцем. В плане выносливости с ним мало кто мог потягаться даже среди парней из сборной, хотя те тренировались ежедневно как спортивные стипендиаты.

Капитан команды, Цзэн Хуэй, вовсю красовался: крутил мяч на указательном пальце, ловко подбивая его другой ладонью. Е Мянью скептически покосился на него, не разделяя этой тяги к дешёвым девичьим понтам. Впрочем, стоило признать, фокус работал безотказно. Проходившие мимо площадки старшеклассницы так и косились в их сторону. Прохаживаясь под ручку по двое и по трое, девочки бросали на них быстрые взгляды, а потом, хихикая, опускали головы и шушукались.

Е Мянью, уставший от жары, раздражённо буркнул:

— Завязывай со своими цирковыми номерами. Меня сейчас эти девичьи взгляды насквозь прожгут.

Цзэн Хуэй послушно поймал мяч. Подойдя ближе, он заговорщицки ухмыльнулся:

— Да брось, Е Мянью. Будто ты не знаешь, на кого они пялятся.

Капитан тренировался здесь каждый божий день и крутил мячи почём зря, но такого ажиотажа отродясь не видел. Было очевидно, что сегодня девчонки слетелись исключительно на Е Мянью, а сборная просто примазалась к его славе.

Природа наградила Е Мянью на редкость притягательной внешностью. Сейчас, когда он закинул олимпийку на плечо, подставив ветру влажную от пота шею и ключицы, а мокрые пряди челки прилипли ко лбу, парень выглядел чертовски эффектно. Чего стоил один его силуэт в прыжке, когда футболка задиралась, приоткрывая подтянутый пресс. Даже Цзэн Хуэй, будучи стопроцентным натуралом, прекрасно понимал, какие мысли сейчас крутятся в головах у этих малолеток.

Ещё во время игры с трибун то и дело доносились звонкие девичьи выкрики в поддержку Е Мянью. Смазливая мордашка — великая сила. Е Мянью был высоким, статным и чертовски красивым, так что девчонки липли к нему пачками, несмотря на его скверный и колючий

характер.

— Слушай, физика у тебя отличная, играешь не хуже меня, — в который раз завёл свою волюнку Цзэн Хуэй. — Серьёзно, не хочешь в сборную по спортивной квоте? Жаль ведь такой талант зарывать.

Капитан зазывал его уже раз пять. С Е Мянem в составе их команда мигom взлетела бы на новый уровень. Да и чисто с практической точки зрения: заполучи они такого красавчика, на каждом матче трибуны ломились бы от восторженных фанаток с плакатами и бесплатной минералкой. Вся команда грелась бы в лучах его славы.

Пока они болтали, одна из девчонок под подначивание подруг несмело двинулась в их сторону. Е Мянъ стоял к ней спиной и ничего не замечал.

— Я сюда вообще-то по общему конкурсу поступил, — с гордостью отрезал он.

И это было чистой правдой: в лучшую школу города он пробился своими силами, без спортивных льгот, блата или родительских денег.

— Одно дело в школу поступить, другое — в вуз, — не унимался Цзэн Хуэй. — Скоро распределение по профилям, а высшее образование сейчас так просто не даётся.

Для спортсменов проходной балл при поступлении срезали куда щедрее, чем при переходе в старшие классы. А если парень проявит себя на уровне провинции или попадет на карандаш национальной сборной, перед ним откроются двери любого университета страны.

Но Е Мянъ слишком ценил свободу. Мысль о том, чтобы добровольно запереть себя в душном спортзале и пахать там до кровавого пота изо дня в день, казалась ему изощрённой пыткой. Проще сразу пристрелить.

— Эм... Е Мянъ... хочешь воды? Я видела, у всех есть, а ты один без бутылки...

Его окликнули со спины. Голос принадлежал той самой решившейся на подвиг старшекласснице.

Перед ним стояла девочка в школьной форме с задорным хвостиком на затылке и парой кокетливых прядей, обрамлявших покрасневшее лицо. Она судорожно сжимала запотевшую бутылку минералки обеими руками. От волнения её колени ходили ходуном, чего она сама в упор не замечала.

Е Мянъ поморщился. Такие сцены всегда вызывали у него глухое раздражение. Он не считал себя бесчувственным сухарем, но размазывать сопли и давать ложные надежды не любил. Рубить надо было сразу и под корень.

— Спасибо, у меня есть, — сухо бросил он.

Школьная активистка растерялась. У Е Мян в руках действительно ничего не было, пока вся его компания всю утоляла жажду. Осознав отказ, она деревянно кивнула:

— А... ну ладно. Ты это... играй дальше. Я просто так... спросить зашла.

Она резко развернулась и умчалась прочь быстрее ветра. Добежав до стайки подружек, девочка уткнулась одной из них в плечо — то ли расплакалась, то ли просто не выдержала позора. Подруга принялась сочувственно гладить её по спине, бросая на Е Мян испепеляющие взгляды.

Цзэн Хуэй лишь покачал головой. Поразительно: парень ведёт себя как законченный сухарь, а девки всё равно прут к нему косяком. На этом фоне его собственная популярность стремилась к абсолютному нулю.

«И почему все бабы такие поверхностные? Неужели рожь — это всё, что им нужно?»

С тоской подумал капитан:

«Вот если бы ко мне подошла такая милашка, я бы расплылся в улыбке и окружил её заботой, как нежный весенний ветерок»

Е Мян устало потёр переносицу, подхватил со скамьи олимпийку и накиннул на плечи.

— Ладно, я в класс.

По пути в корпус он всё же свернул к школьному ларьку, взял ледяной газировки и, прислонившись к стене, жадно осушил половину бутылки. Лишь после этого он не спеша побрёл к кабинету.

Какие, к чёрту, свидания и нежные чувства? На эту херню у него не было ни времени, ни сил. Сейчас его волновало только одно — как заработать бабла.

<http://bllate.org/book/18333/1768488>